

Авторитет таланта

В ДРЕВНЕЙ ИНДИИ для того, чтобы стать актером, нужно было обладать «свежестью, красотой, приятным лицом, красивыми зубами, изящным ростом, обаянием, грацией, достоинством, благородством, гордостью, не говоря о качестве таланта». Сколь многим необходимо было обладать и в каком редкостном обилии и сочетании! Сегодняшнее театральное время богато парадоксами. Можно назвать немало актеров, осуществляющих собственное призвание, делающих свое дело как бы вопреки данному природой.

Владислав Стрельчик — народный артист СССР, один из плеяды славных знаменитой труппы Ленинградского БДТ имени М. Горького, актер-мастер, актер-виртуоз, характерный актер в высочайшем смысле этого понятия, уделу своему изначально предназначен, рожден для него, как чудесный орган, как индивидуальность, как редкое соединение необходимых сцене качеств — красоты, обаяния, врожденной пластической музыкальности.

Пришедший в студию ВДТ в конце тридцатых годов, учившийся у Б. А. Бабочкина и А. Д. Дикого, потом оставивший театр на четыре долгих фронтных года, он вернулся на сцену в послевоенном 1946-м. Демобилизованный сержант, недоучившийся студиец, попал сразу же в выпускную группу студии, сдал экзамен одним энтузиазмом, жаждой театрального поприща и был зачислен в Большой драматический, ставший для него единственным театром жизни.

В те непростые для нашего театрального искусства годы

молодой и поразительно красивый, он в отличие от многих своих сверстников играл много — в пьесах советских авторов. В классике сыграл он горьковского Грекова во «Врагах» — неожиданно одухотворенно, иронично, интеллектуально, тонко почувствовав в немногословном, чаще наблюдающем юноше-рабочем интеллигентность и ум «нового человека», знание им исторической судьбы своего класса.

А в студенческие годы сыграл он в «Старых друзьях» Л. Малюгина другого юношу — «бывшего мальчика», вернувшегося с войны победителем, а главное — живым. Потрясение судом жизни, которую случайно не отняла война, взвинченность, лихость, азарт, жажда радости немедленного вознаграждения за пережитое на фронте — все это бурлило, бунтовало, пенилось в Володе Бессонове — Стрельчике, привлекало и отталкивало, а главное, обещало немалые трудности в мирные дни, ибо война не только закалила, но и опалила, и в чем-то духовно исказила героя.

А параллельно и одновременно в творчестве актера все более

СЧАСТЛИВАЯ СУДЬБА

заметное место занимают другие герои — блистательные кавалеры, рыцари плаща и шпаги, пылкие и отважные влюбленные, бескорыстные искатели подвига (Клавдио из «Много шума из ничего», Дон Хуан из «Девушки с кувшином», Флориндо из «Слуги двух господ», Рюи Блаз из знаменитой мелодрамы Виктора Гюго — вельможа и лакей, возлюбленный королевы, лозенный ею простолудин, мучительно хранящий тайну...). Случалось, что критика упрекала артиста за склонность к самоценной красоте и эффектам в работах подобного рода. Но было в этой англо-франко-испанской репертуарной стихии для Стрельчика нечто более важное, значимое. Увлекала и утверждалась не одна лишь безусловная и победительная красота, но и мощь жизнелюбия, сверкающая молодость героев, воевавших за свои естественные права.

ПЕРВОЕ десятилетие работы, с 1946 по 1956 год, когда появился в стенах БДТ и утвердил новую судьбу театра главный режиссер Георгий Товстоногов, было для Стрельчика временем накопления опыта, осознания собственных сил и редкостного неутомимого трудолюбия. И еще эти годы были ожиданием чуда или перемен, или человека, ибо рядом с ролями и успехами, признанием и непризнанием, неутомимостью будничной работы и утомительностью театральных будней не покидало актера чувство неудовлетворения, желание другой жизни в театре, более высоких духовных целей,

не накопления, а сотворения ролей и образов.

Чувство это, столь знакомое многим актерам, далеко не всегда разрешается и удовлетворяется временем и обстоятельствами. Для Стрельчика «звезды» его судьбы сложились так, что он дождался и перемен, и чуда, и человека.

Пришел режиссер, который еще и потому может быть назван наследником великой психологической режиссуры нашего века Станиславского, что он, как и они, ставя спектакль, одновременно «ставил» судьбу актера, ощущал ее перспективу, ее потенциал, ее неповторимость и возможности в будущем.

Но нужно было не только ждать, призывать нетерпеливо перемены. Нужно было оказаться готовым воспринять, сделать необходимыми себе высокие цели режиссуры. Владислав Стрельчик, тридцатилетний актер благополучной и «равнинной» судьбы, оказался готовым к тому, чтобы начать снова. Наступала фаза творческой кульминации. И потому о нем, столь щедро награжденном природой, мы говорим: не баловство судьбы, подарившей красоту, звучный голос и стать, столкнувшейся с замечательным режиссером, а преодоление судьбы, завоевание ее.

В Стрельчике Товстоногов увидел и с годами помог максимально реализоваться редкому дару перевоплощения, в высшем духовном и телесном смысле этого понятия, перевоплощения как постоянного обновления актера и человека, как нового азарта, нового незнакомства

Так было в признанных психологических и социальных шедеврах артиста — чеховском учителе гимназии Кулыгине из «Трех сестер», которого Стрельчик в отличие от многих своих предшественников увидел пронзительно человеческим, мужественно добрым, несмотря на неадекватность, смешную наружность «человека в футляре». В инженер-технократе, жреце варварской цивилизации Цыганове («Варвары» М. Горького), разрушителе, который, полюбив, трагически прозревает собственное крушение, руины души и судьбы и тешно пытается сохранить маску бывшего баловня и победителя жизни.

СТРЕЛЬЧИК — блестящий профессионал. Он стал таким давно, еще в молодости, имея оружием неутомимое трудолюбие и дар вечного ученичества. Роли Стрельчика заманчивы и увлекательны для анализа и описания, настолько сделаны, прописаны они в своих деталях, слагающихся в единство словесной интонационной, пластической, мимической партитуры. Это в Кулыгине, Цыганове, Грегоре Соломоне, в опустошенном и потерявшем компас жизни и творчества Шалимове в «Дачниках», где возникает очень важная для актера тема человеческой мнимости, обманной значительности, формы при утерянной духовной сущности.

Столь увлекающий Стрельчика на всех этапах его творчества профессионализм понят им отнюдь не как набор приемов, но пронизан и одухотворен отношением актера к жизни, реальными

человеческими драмами. Потому Стрельчик так любим и признан самой разной аудиторией, что он удовлетворяет характерному для нынешнего времени интересу к мастерству большой сложности, и потому, что избегает крепкого мастерства ремесленного толка. Усложнение внешнего рисунка роли в него (не в пример многим) рождено усложнением внутренней сути. Работы актера все более обнаруживают рост духовного, сущностного начала. Так в сложной роли Николая Баумана («Третья стража») озорной, главной в раскрытии образа Стрельчик делает сцену разговора с Саввой Морозовым (блистательно сыгранным Е. Копеляном). Перед нами поединок двух интеллектов, двух равных умов — трагически озорного в предчувствии катастрофы в Морозова и оптимистически просветленного, вооруженного революционным знанием в Баумана. И в физике Александре Машкове («Традиционный сбор») наиболее интересной, содержательной становится духовная позиция героя.

При том, что формально Стрельчик всегда сложен, богат, конкретен, он сам — человек и художник — не остается скрытым за узорчатой обложкой ролей даже в таких игровых и динамически стремительных образах, как князь Пантишвили в «Хануме» или очаровательный хищник Беркутов в «Волках и овцах».

Животворная сила творческой радости актера, его непосредственной талантливости даёт особое освящение роли князя Пантишвили. Жизнелюбец играет

жизнелюбец. Комедийная, фесрически смешная роль получает до-бавочное духовное наполнение. А в Беркутове актер увлечен условиями двойной игры, пред-ложенной режиссером и чем-то напоминающей вахтанговскую «Турандот». Две разные характерности вбирает в себя роль Беркутова — приобретателя из «волков», явившегося прикарманить имение очаровательной вдовушки Купавиной, и провинциального премьера середины прошлого века, ибо, по замыслу Товстоногова, пьеса Островского разыгрывается на старой провинциальной сцене в приемах провинциального театра былых вре-мен.

И на экране он остается прежде всего театральным и характерным актером, привнося в работу все ту же сложность духовного содержания, все ту же выраженность и яркость формы, силу духовного и телесного перевоплощения, в законах которого он работает на сцене своего родного БДТ.

Живущий счастливо в искусстве, открытый людям, актер — общественник по сердечной склонности, Владислав Стрельчик встретил недавно свое шестидесятилетие. Не верится. Все так же увлекателен и великолепен он, как в юношеские годы, сегодняшний маститый художник. Пожелаем ему многих дней радости творчества и здоровья.

В. МАКСИМОВА.